

*АРРО Светлана Ефимовна,
независимый исследователь
(Германия, Франкфурт-на-Майне)*

НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. Г. СЛЕПУХИНА И В МЕМУАРНЫХ ИСТОЧНИКАХ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ»

Более чем 70 лет назад немецкие армии перешли западные границы Советского Союза и почти в победоносном марше начали входить в города и сёла. Настала оккупация. Под оккупацией вскоре оказалось 80 миллионов жителей СССР. О самой войне мы знаем много, хотя эти знания опутаны разнообразными лживыми выдумками и подтасовками. Но уже немало честных и думающих историков и литераторов очищают правду о войне от старых официальных идеологем. Появляются новые серьезные работы о разных сторонах и аспектах прошедшей войны, по-прежнему страшной и большой странице истории России.

Пожалуй, самой закрытой и запретной стороной войны осталась именно оккупация, жизнь людей на оккупированных землях. Полвека она была тенью, почти полностью закрытой темой. *Почти* — потому что одна грань ее звучала и муссировалась: зверства гитлеровцев на оккупированной земле. Они, конечно, были ужасны и трагичны, но правительство и народ Германии, осознав моральную катастрофу, до сих пор добровольно несут за них покаяние. В его искренности мне не раз доводилось убеждаться, живя в Германии и общаясь с людьми.

Мы знаем об оккупации страшные ее страницы из книг Василя Быкова и Алесея Адамовича, из фильмов, поставленных по ним. Из напечатанного в «Юности» «Бабьего Яра» Анатолия Кузнецова, хоть и с большими цензурными выбросами. У Василя Быкова своя терзающая писателя и его читателей тема: в чем и как проявляется на войне нравственное чувство? Можно ли сохранить на войне совесть или важнее сохранить жизнь? Конечно, от этого чтения разрыется сердце. Конечно, без слез это трудно читать — такова власть

таланта. И все же названные подходы к теме — в чем-то частность войны. Широкою, всеохватную правду войны, включающую её многоаспектность, в том числе, оккупацию, дал, пожалуй, только **Юрий Слепухин**. Или, допустим, увидеть тему широкоформатно позволяет добавление к названным именам имени Юрия Слепухина.

Писателей, дерзнувших обратиться к теме немецкой оккупации в советское время, ожидала драматическая судьба. Юрия Слепухина, репатрианта, встретил жесткий цензурный фильтр, а затем и запрет на печатание. Однако «Лениздат» его печатал! Не будем обманываться, — естественно, с разрешения Обкома партии. С цензурной подчисткой, без аннотаций и предисловий, без единого слова о писателе в критике, необычные романы Юрия Слепухина, сначала составившие эпическую дилогию о войне, появились урезанными тиражами не в книжных магазинах (в них минимально), а в библиотеках. И пошел о них в Ленинграде такой устный читательский шум, что на его книги возникла библиотечная очередь, и читатели терпеливо ждали получения драгоценной книги в руки.

В замечательной тетралогии Ю. Слепухина о войне («Перекрёсток», «Тьма в полдень», «Сладостно и почётно» и «Ничего кроме надежды»), третий роман, равно как и четвертый (ранее вместе они составляли один, под названием «Час мужества») оказался под запретом на десятилетия, явно введя в шок надзорные органы¹. Можно понять их возмущение и растерянность: проблематика, темы, образы были просто скандальны и неудобоваримы для советской литературной политики: действие романа «Сладостно и почётно» происходит в фашистской Германии (термин привычно ошибочен до сих пор: верно иное определение — «нацистской»), и почти все герои романа — герои действительные: оппозиционеры, готовящие теракт, чтобы убить Гитлера и спасти Германию. Думаю, Слепухин опередил официальные трактовки исторических событий, в частности, случившегося 20 июля 1944 года, почти на полвека.

---

¹ Об истории написания тетралогии см.: *Слепухина Н. А. Юрий Слепухин: возвращение // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения–2014* : тр. Междунар. науч. конф. / сост.: П. Н. Базанов, Н. А. Слепухина. СПб., 2015. С. 43–45.

Второй роман, «Тьма в полдень», полностью посвящен жизни крупного провинциального города в оккупации. Читатель ощущает колдовское умение писателя приблизиться психологически и эмоционально к каждому персонажу этой эпопеи, становящейся то сказом, то хроникой, то внутренним монологом героя, то страшными сценами военной или оккупационной действительности, то открыто публицистическими или философскими размышлениями автора. И все эти жанрово-стилистические перетекания без ощутимых и видимых швов создают единое гармоничное полотно. Несмотря на необходимые самоограничения (в романе присутствует тонкое авторское понимание того, что ему заглядывают через плечо), писатель сумел сказать многое, разбудив чутье и сообразительность советского читателя.

Оккупацию Юрий Слепухин показал в диалектике нашествия, хроникально точно.

В течение почти трех лет она выглядела по-разному. Какой смелостью надо обладать писателю, чтобы создать эпос войны и оккупации от лица двух девушек, только что окончивших советскую школу! Трагичность обстоятельств тонко и иронично изображена сквозь сито естественного для героинь инфантилизма, непонимания обстановки и подстерегающих их опасностей. Поэтому интеллектуалка Людмила после первого же визита на биржу труда попадает в эшелон для «восточных работниц», отправляющийся в Германию, с документом под буквой «R», который она, зная немецкий, насмешливо расшифровывает как «рабство», хотя понимает, что это, конечно, «Reich».

«Оккупация пришла к ним не в огне и грохоте; она вползла и установилась как-то незаметно, как ясным днем подкрадывается тьма к солнцу перед затмением. Поползли по улицам слухи о разбитых складах и лежащих без надзора сокровищах. <...> Долгое время никто не решался первым заговорить об эвакуации, чтобы не быть обвиненным в паникёрстве, а потом вдруг оказалось, что говорить уже поздно. Склады остались не вывезенными, и не сегодня завтра все они должны были достаться врагу. Решение этой проблемы возникло, по-видимому, совершенно стихийно. Немногие уцелевшие пекарни не работали из-за отсутствия воды и тока. Поэтому, когда

вечером 20 августа толпа разгромила склады мяскокомбината и на улицу полетели ящики с консервами, ею руководило /одно/: люди попросту хотели есть».²

Когда начали появляться приказы, распоряжения, оповещения, они наклеивались на афишных уличных тумбах на широких листах бумаги, где наверху был изображен условный орел, распростерший крылья и держащий в когтях веночек со свастикой. Жители обязаны были знать и соблюдать эти распоряжения, многие из которых заканчивались угрозами за неисполнение. «Первый прочитанный Та-ней приказ (его наклеили на заборе через улицу) предписывал в недельный срок сдать германским властям всё имеющееся у населения оружие, предметы обмундирования и снаряжения Красной Армии, равно как и все похищенное со складов, предприятий и магазинов; лица, не сдавшие вышеперечисленное имущество в указанный срок, подлежат расстрелу»³.

«За все хорошее — смерть» — так назвал Максуд Ибрагимбеков в 60-е годы детскую повесть о том, как мальчишки на Северном Кавказе забрались в бывший немецкий бункер и увидели там эти страшные надписи, точно выражающие суть оккупации и детское ее восприятие.

Обращусь к сюжету романа Слепухина. После никому не нужного рытья окопов вчерашние школьницы с трудом вернулись в город, неузнаваемо изменившийся за несколько дней. Они в страхе и в панике, потому что армия отступает рядом с ними. Татьяна и Людмила, главные героини всех четырёх романов, две подруги-десятиклассницы, только что окончившие школу, внезапно оказались в одиночестве, без родителей и родственников, мать Людмилы срочно эвакуировали с секретным институтом, дядя, заменявший Татьяне отца, мобилизован на фронт. Ее дом разбомблен вместе с целым центральным кварталом за день до прихода немцев, и подруги решили жить вместе в опустевшем доме Людмилы. Они не понимают совершившегося, не верят в опасности и «берут себя в руки». Внезапно

² Слепухин Ю. Г. Избранное : в 5 т. СПб. : Ладога, 2005. Т. 1 : Перекресток ; Тьма в полдень. С. 502.

³ Там же. С. 508.

появляются постояльцы. «Немцы сразу наполнили дом своим чугунным топотом, резкими нерусскими голосами и сложным, ни на что не похожим запахом бензина, пыли, оружейной смазки и дешевой парфюмерии. Тут же, в углу, были беспечно оставлены винтовки — все пять штук»⁴.

Утром незваных гостей уже не было. Страх оказался напрасным. Но это только начало. С течением времени взаимное непонимание сторон будет нарастать.

В романе представлена хроника изменений в настроении людей, оказавшихся «под немцами».

«Это была какая-то странная, нереальная и словно придуманная жизнь. Прежде всего, у нее не было будущего. Никто из людей, вынужденных жить в фантастических условиях оккупации, не знал, как и в какую сторону изменятся эти условия завтра. От такой жизни можно было ждать чего угодно, и люди постепенно перестали удивляться чему бы то ни было. <...> В январе по городу поползли упорные слухи, что весной будет объявлена поголовная трудовая повинность: всех будут вывозить в Германию, а сюда переселят немцев-колонистов. Или, точнее, колонизаторов. Говорили также, что опять будет снижена хлебная норма — с трехсот граммов до двухсот»⁵.

В ходу оккупационная валюта, не имеющая хождения на территории рейха. Она приравнена к местным карбованцам по курсу один к десяти. Людмила после похода на биржу труда отправлена в Германию. Судьбы подруг резко ломаются, и проследить отношение к оккупации становится возможным только относительно Татьяны, определенно любимой героине Юрия Слепухина.

Романы Слепухина великолепно диалогичны. Привожу сокращенный диалог владельца магазинчика Жоры Попандопуло и Татьяны. Попандопуло посылает Татьяну предупредить евреев о близящемся расстреле, но говорит об этом уклончиво, и девушка не понимает страшной правды, не верит в нее, потому что такого не может быть:

---

⁴ Там же. С. 515.

⁵ Там же. С. 581.

« — Танечка, мне страшную вещь сказали, — проговорил он громко. — Вроде вот-вот приказ должен выйти. Насчет евреев. — Не понимаю. — Их соберут вроде куда-то везти. Ну, я знаю? — Может, в какой-то там лагерь. А на самом деле всех соберут, а после расстреляют... — Господи, что за ерунда! Кто вам сказал такую нелепость? За что?

— За то, шо евреи, вот за шо. Кто, кто! Неважно, кто. — Но не может же этого быть, поймите, чтобы человека расстреляли просто за то, что родился евреем, а не немцем или папуасом! Ну бред же самый форменный!»⁶

И Татьяна идет уговаривать евреев куда-то уехать, спрятаться. Но идти им некуда и прятаться негде. Через несколько дней евреи были «надежно обезврежены», как сказал Татьяне, вынужденной по настоянию подполья стать машинисткой в гебитскомиссариате, один прибалтийский немец, который позже выдаст ее гестапо. Оккупация проявляет свою суть постепенно, от угроз расстрела в приказах до угона в Германию, а затем и до крещендо — массовых расстрелов. Это уже 1942 год.

В феврале неизвестный убил на улице ударом ножа немецкого унтер-офицера. В ответ в городе начался террор. «Может быть, только теперь жители Энска начинали в полной мере понимать, что значит оккупация. Без облав и обысков не проходило дня; всякого прохожего, у кого бумаги оказывались хоть немного не в порядке, тут же грубо обыскивали и пинками гнали к стоявшему рядом крытому грузовику. А домашние обыски делались по ночам: оцепляли целый квартал и вламывались в квартиру за квартирой. <...> Жизнь в городе замерла. Начинался голод»⁷.

Слепухин рисует своих героинь, по-своему трансформируя классическую пушкинскую антитезу: «Татьяна — Ольга». Он изменяет символику имен (характеров), создавая новую пару «Людмила — Татьяна», где Татьяна пушкинская условно соответствует Людмиле, а Ольга — Татьяне у Слепухина. Однако при том, что образность двух героинь Слепухина не несет даже тени негатива, автор явно предпочитает, выбирает Татьяну, вторя Пушкину и восхищаясь, в общем, *я так люблю Татьяну милую мою.*

⁶ Слепухин Ю. Г. Избранное ... Т. 1. С. 604.

⁷ Там же. С. 838.

Мастерство писателя в создании женских, скорее девичьих образов поражает тонкостью понимания и психологии, обусловленными эпохой, ее моментом. Наивная вера во всеобщую порядочность, непонимание и незнание теневых сторон жизни, романтичность и импульсивность *во тьме в полдень* стираются, не превращаясь в свою противоположность. Избалованная девочка делается стойкой подпольщицей, потому что *по-другому нельзя*.

И тут рядом с ней возникает персонаж, не известный не только советской, но и постсоветской литературе: в оккупированном городе появляется русский эмигрант, мечтающий увидеть Россию, которую он не знает. Этот образ — литературное открытие Юрия Слепухина. Татьяна окрестила его про себя марсианином. Таких людей не знал закупоренный границами на замке СССР. Кирилл Андреевич Болховитинов — русский дворянин, родившийся в России, выросший и получивший образование за границей, инженер, приехавший строить дороги для России, белоэмигрант, по советскому определению — враг. Татьяна боится этой возникающей любви, потому что ее жених на фронте, а предательницей она быть не может. Этот умный, много знающий и видевший, мечтающий помочь России, тактичный человек — кто он? Конечно, марсианин.

Мне кажется, я знаю прототип этого образа. И даже не один. Не намекая, не называя организации, Юрий Слепухин изображает, воссоздает образ члена НТС. Откуда такая уверенность? Из изучения идей и деятельности Народно-Трудового Союза. Поясняю это предположение ссылкой на историю фирмы «Эрбауэр», подробно исследованную старейшим членом НТС Ростиславом Полчаниновым, живущим в Америке летописцем и хранителем истории организации⁸.

Летом 1941 в оккупированном Бресте бывший полковник царской армии Владимир Ермолов был освобожден немцами из советской тюрьмы. В январе 1942 он основал строительную фирму «Эрбауэр» («Строитель») и возглавил ее. Скоро она начала работать наравне с фирмой «Тодт», зарекомендовавшей себя. Негласной целью фирмы было трудоустройство русских людей, оказавшихся в оккупации без

⁸ Полчанинов Р. В. Молодежь Русского Зарубежья : воспоминания, 1941–1951. М. : Посев, 2009. С. 174–195.

денег и работы. Поначалу «Эрбауер» брал на работу военнопленных и даже евреев, несмотря на пропаганду, а главным инженером был Борис Френкель. Летом 1942 все они были расстреляны немцами, несмотря на попытки полковника Ермолова вмешаться.

Немного позднее Ермолов согласился на просьбу нескольких членов НТС на открытие филиала в оккупированном Минске, директором которого стал Константин Болдырев, а помощниками в разное время члены НТС Игорь Юнг, Михаил Горачек, Иван Виноградов, Павел Зеленский. Юрий Слепухин не знал лично этих людей, но он, безусловно, слышал о строительной фирме «Эрбауэр» от других членов союза. Каждый из этих эмигрантов мог послужить прототипом образа Кирилла Андреевича Болховитинова. Особенно Константин Болдырев.

Цель фирмы «Эрбауер» — работа, мобильность и прикрытие, то, что сегодня называют «крышей». В конце войны эмигрантская строительная фирма передвигалась, уводя людей от опасности. Ее маршрут: Минск, Брест, Варшава, Вена, Тюрингия, Кассель, лагерь Ди-Пи (перемещенных лиц) Менхегоф. Это конец войны, союзные зоны оккупации. Только уже совсем иной оккупации.

Болдырев, безусловно, был уникальным человеком, ангелом спасения для многих, для тех, кто в этом нуждался. Он не стремился в руководство организации, не занимался специально ни тактикой, ни стратегией, ни борьбой, ни идеологией. Он облегчал положение людей, вытаскивал их из ловушек. Всегда и со всеми находил верный тон и правильные, доходчивые слова. Он был умным, спокойным и ответственным, далеким от фанатизма, дипломатичным. Даже с эсэсовцами, которые его арестовывали, он мог объясниться. Его выслушивали. Эта самоотверженность была особого рода: это была простая человечность.

Юрий Слепухин, скорее всего, слышал о Болдыреве от Е. Мамукова, с которым они оказались вместе в Аргентине. Во время войны в Германии никто не имел права без разрешения куда-то ехать или бросить работу. Впрочем, не только в Германии: в СССР было и пожестче. Чтобы иностранцы в конце войны не сбежали с работы, карточки им выдавались на неделю. Стали появляться беглецы из конц-

лагерей, которых тоже подбирала фирма «Эрбауэр», т. е. Болдырев. 11 апреля 1945 в Тюрингию вошли американцы. Условия времени диктовали тактику и поведение. Из воспоминаний К. В. Болдырева: «К приходу американцев в бушующем море анархии единственным островом порядка и дисциплины был лагерь в Нидерзахсверфене. Объясняется это тем, что его руководство и основной стержень всего коллектива состояли из членов НТС»⁹. В это время все вспомогательные фирмы, в том числе «Эрбауэр», перестали существовать. Они потеряли статус. Одного из таких «марсиан» полюбила девушка из СССР, сочиненная Юрием Слепухиным. Любовь ее подруги Людмилы, угнанной в Германию, живущей в семье немецкого оппозиционного профессора в Дрездене, еще более экзотична для русского читателя: ее объект — немецкий офицер из окружения полковника Штауффенберга, который гибнет после неудавшегося покушения графа на Гитлера. Это одна из линий 3-го романа — «Сладостно и почетно». Таков финал оккупации: русская девушка в катастрофе дрезденской бомбардировки. (Как современные кинематографисты проглядели эти превосходные романы, непонятно, хотя они и напечатаны в Петербурге очень малым тиражом. Москва вообще не заметила эти потенциальные киномоманы — сюжетные настолько, что просятся в настоящий, качественно новый и глубокий сериал!)

Повторю: слепухинские романы-бестселлеры, от которых трудно читателю оторваться, — знаю это не только по своему опыту, но и слышала от многих! — не просто художественная литература. Это свидетельство очевидца. Это документальный роман. И он же — лучший учебник истории.

Юрий Слепухин был угнан в Германию вместе с сестрой и родителями в 16 лет, на излете оккупации. Он всё пережил и запомнил. Второй значительный момент его биографии: в Германии он вступил после войны в антигитлеровскую-антисоветскую организацию НТС (Народно-Трудовой Союз солидаристов). Поэтому знал и видел больше и шире, чем любой литератор, ограниченный официально суженной идеологией и государственным диктатом. Определяющим мотором был, конечно, писательский талант Юрия Слепухина.

⁹ Болдырев К. В. Менхегоф — лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопр. истории. 1998. № 7. С. 117.

Сегодня типична документальность, пронизывающая многие художественные произведения, создавая их фон, их фундамент. Эпическая тетралогия Юрия Слепухина — образец литературы, основанной на тщательно изученной фактографии и личном знании. При стилистике отнюдь не модернистской, скорее, классической, произведения Слепухина оригинальны и современны. Давно пора им обрести общенародное признание на родине и в других странах.

Думаю, переводы этих блистательных романов отсутствуют, прежде всего, из-за недостаточной их популяризации (только роман «Сладостно и почетно» вышел в 1988 в тогдашней ГДР)¹⁰, из-за объемности и сложности. Да и мастерство переводчика должно быть адекватным оригиналу.

Обращаясь к теме оккупации в литературе, нельзя не напомнить о прочитанной многими почти полвека назад в журнале «Юность» документальной повести Анатолия Кузнецова «Бабий Яр». Тогда этот документ (это авторское обозначение повести, в которой ничто не выдуманно) вызвал читательский шок. После него уже появилось два новых поколения читателей, а знание о Холокосте приобрело даже большую необходимость и остроту. Первоначально эта вещь прорывалась к читателю с трудом и авторскими переживаниями из-за того, как цензура кромсала его детище, и, в конце концов, он вынужден был бежать на Запад, чтобы сказать об этом так, как он знал и помнил — без обрезаний правды, без её искажений.

В 1970 в Лондоне, готовя заново в очищенном виде для франкфуртского издательства «Посев» рукопись, которую Анатолий Кузнецов сумел сохранить, он писал во вступительной главе: «Летом 1969 года я бежал из СССР, взяв с собой плёнки, в том числе и пленку с полным „Бабьим Яром“. Вот его выпускаю, как первую свою книгу без всякой политической цензуры, и прошу только данный текст „Бабьего Яра“ считать действительным. Здесь сведено воедино и опубликованное, и выброшенное цензурой, и написанное после публикации, включая окончательную стилистическую шлифовку. Это, наконец, действительно то, что я написал»¹¹.

¹⁰ *Slepuchin J.* Tage des Zorns, Tage der Liebe. Berlin : Verl. Neues Leben, 1988. 320 S.

¹¹ Цит. по: Кузнецов А. В. Бабий Яр. 2-е изд. Frankfurt/Main : Посев, 1973. С. 9.

Опубликовать «действительно то, что написал», для А. Кузнецова было делом жизни. В 14 лет он оказался свидетелем этого беспримерного злодеяния, и свой первый вариант написал в 14 лет, тогда же. В школьной тетрадке, которую он прятал много лет. Однажды ее нашла его мать.

Вступительную главу в позднем свободном издании издательства «Посев» во Франкфурте-на-Майне Кузнецов назвал «Пепел». Цитирую: «Я пишу эту книгу, не думая больше ни о каких методах, ни о каких властях, границах, цензурах или национальных предрассудках.

Я пишу так, словно даю под присягой юридическое показание на самом высоком честном суде — и отвечаю за каждое свое слово. В этой книге рассказана только правда — так, как это было.

Я, Кузнецов Анатолий Васильевич, автор этой книги, родился 18 августа 1929 года в городе Киеве. Моя мать — украинка, отец — русский. Вырос я на окраине Киева в Куреневке, недалеко от большого оврага, название которого в свое время было известно лишь местным жителям: Бабий Яр. Я решил, что надо все это записать, с самого начала, как это было в самом деле, ничего не пропуская и ничего не вымышляя.

Вот я это делаю, потому что знаю, обязан это сделать, потому что, как говорено в “Тиле Уленшпигеле”, пепел Клааса стучит в мое сердце»¹².

Публикуя свою изуродованную в СССР книгу в свободном издательстве «Посев», обращаясь к читателю, А. Кузнецов рассказывает, через какое давление, партийное и государственное, он прошел. Он продолжал работать над книгой для себя, для будущего, и тут вдруг публикация ее, уже совершившаяся, была признана ошибкой, изъята из библиотек и переиздание запрещено.

Анатолий Кузнецов: «Рукопись стала такой, что я ее дома не хранил. Рукописи я зарыл в стеклянных банках в лесу под Тулой, где они, надеюсь, лежат и сейчас»¹³.

До какого же цинизма и презрения к своим гражданам может дойти государство, сделавшее ложь и приукрашивание, умолчание и выкручивание от вранья своим принципом! Лишь бы не признавать ни преступлений своих, ни ошибок, перекладывая их на самих жертв.

---

¹² Там же. С. 8.

¹³ Там же.

Прочитать «Бабий Яр» Анатолия Кузнецова в авторском варианте можно в интернете.

Сегодня, 8 октября 2016 года, когда я, сидя перед компьютером во франкфуртской квартире, поставила точку, закончив текст стенового доклада об оккупации, я открыла газету «Русская Германия». На первой странице под грифом «Парад фактов» я прочла:

«Президент ФРГ Йоахим Гаук на минувшей неделе посетил Украину и почтил память жертв Бабьего Яра. В ходе траурной церемонии, приуроченной к 75-й годовщине массовых убийств, совершенных нацистской Германией, Гаук напомнил об обязанности защищать права человека. “Склоняясь перед всеми этими жертвами, я встаю на сторону тех людей, которые сегодня преследуют несправедливость, помогают преследуемым и не боятся бороться за права человека там, где им в этих правах отказывают”. 29 и 30 сентября 1941 года немецкие спецподразделения и коллаборационисты расстреляли в Бабьем Яру 33 771 еврея (такая цифра содержится в официальном отчёте айнзацгруппы С).

Всего за время оккупации (1941–1943 гг.) в урочище в северо-западной части Киева были убиты, по разным данным, от 150 000 до 200 000 человек, главным образом евреев, цыган, караимов, советских военнопленных»¹⁴.

Запомним эти и другие печальные цифры и склонимся перед жертвами оккупации.

Документальных правдивых свидетельств об оккупации немного. Причины понятны. В течение 40 лет после войны цензура пропускала на тему оккупации только заказное идеологическое варево, вроде многочисленных героических партизанских саг, в которых правда присутствовала частично и лишь в приукрашенных подливах.

У этой правды есть своя опасная оборотная сторона. В злодеяниях не всегда были виновны только немцы. Например, сплошь и рядом в уничтожении людей принимали активное участие местные полиция. Немцы надзирали. Так было в Киеве, в Харькове, в Прибалтике, в Крыму. Еще страшнее, может быть, было отношение государства, которое до наступления оккупации молчало. Да нет, не молчало: оно

¹⁴ Рус. Германия. Berlin, 2016. 10–16 окт. (№ 40).

посылало директивы из Центра: местные органы и парткомы, специально назначенные группы людей должны были перед приходом врага в любой населенный пункт уничтожить всю структуру жизнеобеспечения, всё, кроме самих жителей. А в тюрьмах и лагерях — и людей, если их трудно угнать, как скот или табун лошадей. Выводили из строя электричество, водопровод, связь. Взрывали заводы, уничтожали документацию. Особенно жутко: минировали поля, на которых созрел урожай. То есть людей, население оставляли на гибель, на смерть от голода и болезней. Цель была одна, она звучала красиво и патриотично: чтобы не досталось врагу. Население сознательно приносилось в жертву, хотя *особо ценных* людей должны были эвакуировать, но часто не успевали это сделать, такова была скорость продвижения врага.

Жизнь населения в оккупации складывалась по-разному. Конечно, даже в случайно благополучных местах оккупация оставалась оккупацией, а не освобождением от советской власти, как трубили об этом завоеватели.

Свидетельства об оккупации оставили эмигранты первой волны, не жившие при советском строе. В основном, это были солидаристы, члены НТС. Они мечтали о потерянной родине, хотели ей послужить, но до войны путь туда был им заказан. В начале войны многие из них поехали в Россию переводчиками, строителями, какими-либо специалистами.

Содержательные воспоминания о хождении в Россию, в оккупированную Россию, оставили Ростислав Полчанинов, Ариадна Ширинкина, Владимир Кашников, Юрий Жедилягин. Рассказали об оккупации и те, кто пережил ее на своей земле, а потом был связан с НТС: Это Островский (Романов), Иван Сергеевич Башкиров, Сергей Евгеньевич Крушель, Юрий Луценко. Часть этих воспоминаний опубликована в Москве, в современном издательстве «Посев»¹⁵. Те, кто оказался на Западе, не были связаны рамками цензуры и идеологии, их рассказы, искренние и честные, печатались, главным образом, в журнале «Посев» во Франкфурте-на-Майне.

¹⁵ См.: От зарубежья до Москвы : Народно-Трудовой союз (НТС) в воспоминаниях и документах, 1924–2014. М. : Посев, 2014. 383 с.

Лучшие и честнейшие писатели и авторы воспоминаний о пережитом воспроизводят не приукрашенную войну, отодвигают и опрокидывают ее прямолинейное понимание. Знакомясь с этими откровенными, искренними и честными книгами и воспоминаниями, современный читатель только сегодня может оценить меру этой честности, если он понял и принял сложность миллионов человеческих судеб. Нужно только захотеть в этой сложности разобраться — спокойно и непредвзято.

Аннотация: Тема немецкой оккупации пришла к читателю только в постсоветское время как результат гласности и свободы слова. Советская литература отражала только одну сторону трагедии: зверства гитлеровцев. Вместе с признанными литературными произведениями автор анализирует малоизвестные мемуары и тетралогия Юрия Слепухина. Его литературное открытие — абсолютно новый герой: русский эмигрант, приехавший в оккупированную Россию с целью антикоммунистической пропаганды и помощи русским людям. Это своеобразная современная эпопея о войне и оккупации, стремительно набирающая признание читателя.

Ключевые слова: Оккупация. Тетралогия. Под немцами. Холокост. Эмигрант. Солидаристы. Свидетели. Любовь. «Посев».

Annotation: The real theme of the German occupation only revealed itself in the post-Soviet period as the result of glasnost. Together with recognised literary works, the author analyzes little-known recollections of witnesses. The most attention, however, is focused on the four novels of Yuri Slepukhin and his extraordinary characters: the two young girls and the Russian emigrant, who has arrived in the occupied Russia to help his people. These four novels of Yu. Slepukhin are a modern epic of the war and the occupation, rapidly gaining the love and recognition of readers.

Keywords: occupation, the four novels, Russian emigrant, solidarist, the Holocaust, love.